

A woman in a black hooded costume with long red gloves is embracing a person with red hair. The woman is looking towards the camera with a serious expression. The background is a textured, light-colored wall.

12+

Ольга Торощина
Как я была Панночкой...

Весь мир театр!

Ольга Викторовна Торощина Как я была Панночкой...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63010413

SelfPub; 2020

Аннотация

Молодая актриса играет роль Панночки и сталкивается с мистическими событиями, которая диктует эта пьеса.

В незабвенном 1992 году нашему выпускному курсу вручали дипломы о высшем образовании. Всё происходило на сцене, в торжественной обстановке, только вот ректор при этом стыдливо опускал глаза и тихо шептал:

– Дети, пока не поздно, меняйте профессию! Вы никому не нужны!

И сомневаться в правдивости его слов не приходилось. Свердловский театральный институт был единственным профильным вузом на огромную территорию Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока. Так что обычно на дипломные спектакли съезжалась целая толпа режиссёров провинциальных театров. За талантливых студентов шла настоящая битва, никто не оставался невостребованным. А тут никого! Оно и понятно: в стране такое происходит, какой театр, какое искусство, выжить бы. Перспектива остаться без работы ужасала. Все мои однокурсники кинулись по городам и весям в поисках ангажемента. Самые отчаянные махнули в столицу. Полюбовались там тёмными коридорами «Мосфильма», где лампочки уже давно не вкручивали. Погоняли стада бездомных кошек на киностудии имени Горького. Во всех театрах слышали: «Какие молодые артисты? Нам своим-то платить нечем!» – и вернулись домой. Но мне повезло. На дипломный спектакль «Горе от ума» буквально случайно, проездом, навещая стареньких родителей, завернул главный режиссёр одного театра. И приглянулись ему Софья и Чац-

кий, то есть я и мой однокурсник Вася. Так и оказались мы в крупном городе на Волге, в Академическом театре драмы со столетней историей. Честно говоря, вековой пыли там было в избытке – на кулисах, в зале, гримёрках, цехах. Казалось, жизнь остановилась где-то в середине XIX века. Средний возраст актёров – 60 лет, а те, кто постарше, чуть ли не самого Станиславского лично знавали. Первый герой-любовник был относительно молод: всего 45. Играл принцев в сказках, а также Треплева и Ромео. Правда, на последнем спектакле сезона под его весом рухнул балкон, и несчастный красавец всё лето пролежал в гипсе с переломом ноги. А молодая лирическая героиня сорока с небольшим лет вдруг психанула, накатила заявление об уходе и улетела с мужем в Индию искать просветление. Так что встретили нас с Васей чуть ли не с оркестром. Наобещали кучу работы, ввод во все текущие спектакли, новые роли и блистательные перспективы. Правда, были и минусы: зарплата по самому нижнему разряду и койко-место в рабочем общежитии. Ничего другого из-за ограниченных средств театр предложить не мог. Нам сразу же порекомендовали пойти на репетицию «Гамлета» и понаблюдать, как работают мастера сцены. Мы с Васей сидели в зале, утопая в пыльном бархате кресел, и чуть не плакали. Происходящее на сцене больше всего напоминало оживший музей восковых фигур, даже говорили актёры со странным утробным подвыванием. Педагоги нашего курса из славного города Питера были молоды и бесстрашны, каждый день

придумывали что-то новое, фантастическое и сумасшедшее. Я, играя Софью, гоняла по сцене на велосипеде, Чацкий в порыве ревности разрывал на мне юбку, во время бала гости Фамусова развлекались охотой на медведя, а арапка-девка играла на ударной установке.

Мужественно досидев до конца репетиции, мы с Васей молча вышли из театра и направились в общежитие. Но войти в здание не смогли: в холле шла драка.

– Девочек опять не поделили, – объяснила нам словоохотливая вахтёрша. – Вы обождите маленько, они обычно до первой крови, а потом разойдутся.

Мы сидели на подоконнике лестничного пролёта и мрачно солили сигаретки. Из женского крыла неслись заливистое девичье хихиканье и раскатистый смех парней. А в мужском крыле кто-то настойчиво и громко требовал всем этажом скинуться на спирт «Рояль».

– Знаешь, – задумчиво сказал Вася, – мне перед отъездом очередную повестку в армию принесли. Я лучше служить пойду.

– Оставишь меня одну в этой богадельне?!

Вася дружески приобнял меня за плечи, сказал:

– Держись, мать.

И уехал.

Утром я незамедлительно отправилась в отдел кадров и потребовала вернуть мою трудовую книжку. Кадровичка одной рукой схватила за сердце, а второй – за телефонную трубку. И через минуту вокруг меня водили хоровод главреж, директор, профорг и парочка народных артистов. Было всё: басни, песни и заклинания, только что вприсядку не плясали. Васино бегство коллектив ещё мог пережить: герой-любовник, с костылём, правда, но уже ходит. А вот играть Золушку, Белоснежку, Джульетту и Заречную категорически некому. Я упрямо стояла на своём:

– Жить в этой общаге не буду!

Директор стонал, что денег на съёмное жильё нет.

– До-сви-да-ни-я, – сказала я и направилась к дверям.

– Держите её! – иступлённо завопил главреж. – У меня тёща в центре города однокомнатную сдаёт, сейчас как раз квартирантов ищет!

Решили так: половину суммы за квартиру платит театр, а половину я из своей зарплаты.

И начались тяжёлые актёрские будни. Между репетициями и спектаклями я успевала сбежать на радио и записать с десяток рекламных роликов, пробежаться по подиуму в Доме моделей, провести утренник в детском саду. Потом добралась до местного телевидения и подвизалась вести там программу о кино. Жить можно, только вот радости и удовлетворения всё это не приносило. Молодому актёру, полному сил и амбиций, больше всего на свете хочется быть на сцене, жить там и творить! А в моём академическом театре можно только чихать от пыли.

Но тут я прослышала, что в городе есть новый молодёжный театр с оригинальным названием «У водокачки» – скромненько и исключительно по месту дислокации. Правда, в репертуаре всего один спектакль, «Панночка» по пьесе Нины Садур. Но те, кто видел, уверяли – гениально. И я отправилась туда.

– А не нужны ли вам молодые, красивые и очень талантливые актрисы? – самоуверенно заявила я молодому очкастому режиссёру.

– Прямо очень талантливые? – блеснул на меня этот Гений из-под окуляров прозрачными водянистыми глазками. – А в гробу лежать не побоитесь?

Я сказала, что сейчас играю Джульетту и репетирую Офелию, так что домовиной больше, домовиной меньше. Гений удовлетворённо захихикал и стал потирать ручки.

– Это провидение, тьма с нами! Вот именно сейчас, именно такая нам и нужна!

После этого быстренько объяснил: актриса, игравшая Панночку, сейчас в больничке, нервишки лечит. А молодой театр живёт на самоокупаемости, вводиться на роль нужно срочно. Пьесу читать и текст учить – уже сейчас, а вечером быть у него на квартире и смотреть на видеокассете запись спектакля, чтобы запомнить мизансцены.

Вечером я стояла на пороге квартиры Гения, а они с женой срочно собирали вещи, чтобы переночевать у родителей.

Видеомагнитофон был включён, бутерброды и чай на стол поставлены, диван для ночёвки разложен.

– Смотри всю ночь, – приказал Гений. – Устанешь – спать ложись, но утром опять смотри! Мы днём придём.

Спектакль и правда был удивительный. Хома – высокий, худощавый и нервный, эдакий молодой Тараторкин. Казаки – колоритные и искренние. Баба Хвеська, у которой намечалась любовь с Хомой, в сермяжной простоте своей была нежная и трогательная. Панночка – как и полагается, чернобровая красавица со смоляной косой. А как они играли, фантастика! С полной самоотдачей и отречением. И сладко было на это смотреть, и страшно. Когда Панночка стала раскачиваться в гробу, мне захотелось включить в тёмной квартире свет, но не получилось. Сначала не поняла почему, а потом дошло: Гений везде лампочки вывернул.

После третьего просмотра спектакля со мной стало происходить что-то странное. Почувствовала: не одна я в помещении. Открыла холодильник, вот там свет был, нашла бутылку водки, чуток глотнула – отпустило. Но тут заметила одну странность в актрисе-Панночке. Вроде бы у неё четырёх передних зубов нет. Точно нет! Или гримом замазала? Так и не поняла.

Уснула я прямо перед телевизором, пришедшие Гений с женой меня разбудили.

А поздним вечером следующего дня отправилась на репетицию в театр «У водокачки». В здании было пусто, свет выключен, только в гримёрке мигала сиротливая лампочка.

– Текст читай! – приказал Гений.

Я послушно открыла распечатку и начала. Если кто-то не в курсе, что представляет собой пьеса, расскажу. Две первые картины написаны строго по гоголевскому «Вию», плюс ещё вставки из других его произведений. Но вот последнюю картину знаменитый драматург сама придумала, и непонятно, что при этом жевала – мухоморы или бледные поганки. На словах: «Бог злой, демон злой, демон пустыни, демон горы... Демон, овладевающий человеком, Гигим, причиняющий зло, происходящий от злого демона, клянись небом, клянись землёю!» – в пустом помещении начали звенеть стекла, выть канализация, и скрипеть закрытые двери.

– Правильно всё делаешь, – похвалил Гений. – Слышишь, он пришёл!

Сейчас, будучи пожилой и богобоязненной дамой, я бы эти слова к ночи и произносить не стала. Но тогда мне было

двадцать с небольшим, я не верила ни в Бога, ни в чёрта, жаждала только славы и успеха. Но после такой репетиции всё же позвонила родителям.

– Да зачем тебе этот бред нужен! – возмутилась мама. – Откажись.

– Просто играй, и всё! – сказала бабушка, пережившая революцию, войну и ссылку. – А если этот очкарик приставать будет, перекрестись и бей первой.

Репетиции шли ладно, из хрипящей старухи-ведьмы я в одно мгновение превращалась в красотку Панночку и пушинкой взлетала на спину Хомя для inferнального полёта. В гробу лежала, как в дому. В третьем акте, когда эмоционально нужно держать всё только на себе, входила в некий сомнамбулический раж. Кувыркалась и каталась по сцене, бегала на четвереньках, завывала и утробно шипела. Гений был доволен, но периодически придирался:

– Оля, ты говоришь, как диктор центрального телевидения! А где «шо»? А где полное погружение во тьму? Соберись и дай мрака!

Педагоги по речи четыре года калёным железом выжига-

ли из меня пермский говорок, и к нему я возвращаться не собиралась. И по поводу «тьмы и мрака» были у меня определённые сомнения.

– Наташ, а что с первой Панночкой случилось? – спросила я как-то у Хвеськи.

– Та ничего! – ответила Наташа, будучи уже глубоко в образе. – В ночи щось привидилось, побигла, об кут стукнула, зубы вышибла. Вставляты не стала, казала, для образу добре. Ще пограла. А потим в ликарню видвэзлы, сказали, з даху будынку стрибнуты хотила.

Мой премьерный спектакль прошёл на ура. Цветы, поздравления, восхищение. Гонорар был – как моя месячная зарплата в академическом театре. Живи да радуйся. Десять спектаклей отыгралось хорошо, но вот на одиннадцатый мне почему-то очень не хотелось идти. Но я загримировалась, оделась и вышла на сцену. Качаюсь в гробу, беснуюсь, требую у Хомя зачать со мной мёртвое дитя... Слышу скрип над головой, но внимания не обращаю, не до того.

Конец спектакля, аплодисменты. Выхожу за кулисы, а там трое казаков пот с лица вытирают и говорят:

– Оль, на тебя крест из декорации падал, подпёрли плечами, еле удержали!

А крест был три метра в высоту, из цельного бруса.

На двенадцатом спектакле раскачиваюсь в гробу, как на качелях. Вдруг два передних троса лопаются прямо у меня в руках. Я кубарем вываливаюсь на сцену, а гроб, качнувшись, ещё и поддаёт мне ускорение под пятую точку. Каким-то чудом, на кончиках пальцев, зависаю на самом краю и не улетаю в зал. Зрители в ужасе охают и вжимаются в кресла, но монолог я не прерываю, играю до конца. Как будто всё так и должно быть!

Перед тринадцатым спектаклем я зачем-то долго мылась, оделась во всё новое и написала письмо маме. Произнося последние фразы финального монолога: «Государь сатана! Пошли ко мне на помощь, рабице твоей, часть бесов и дьяволов! И слепи нас обоих в одно, и брось в своё дивное пекло, о государь, чтоб не остыло бы оно никогда во веки веков, чтоб дымило оно костями и плотью нашими и наполнился бы мрак великий, и вставал бы над светлым миром смердящею завесою, и в великой битве одолел бы тот мрак самого Царя Небесного!» – я шагнула за кулису. Как сейчас помню, одна

нога ещё на площадке, вторая за занавесом, переносу на неё вес тела и... как ракета, ухожу двумя ногами в люк, под сцену. Со всей силой шибанулась подбородком об пол.

Боль была дикой, а челюсть клацнула так громко, что казалось, все зубы разом должны вылететь или раскрошиться. Но, как несостоявшийся врач, не теряя присутствия духа, я быстро пересчитала клыки во рту и проверила наличие языка. Не откусила. А могла бы, если бы не закончила монолог вовремя и, уходя, ещё что-то произносила. Кто и зачем открыл этот люк? Мысли пролетели в голове за долю секунды, и я начала хохотать. Да так неистово и демонически, самой жутко стало.

– Хороший смех был в конце спектакля, – одобрительно сказал Гений. – Молодец, закрепи на будущее!

Я смиренно кивнула, а потом невзначай заметила, что в моём академическом театре на носу выпуск «Гамлета» и надо бы мне чуток сконцентрироваться, посему возьму перерыв. Вот, кстати, Таня из второго состава сидит и ждёт. Рыжая барышня Таня действительно сидела на репетициях уже не первую неделю, на груди она всё время держала чёрного котика, то ли живого, то ли мёртвого. Короче, к роли Панночки была готова.

На банкете по поводу премьеры «Гамлета» было весело. Гений тоже пришёл.

– Ты чего пропала? – гневно блеснул он белёсыми глазками потенциального серийного убийцы. – Я собираюсь «Макбета» ставить, главная женская роль твоя!

– Не могу, – скромно ответила я. А затем брякнула просто так, наобум: – Замуж выхожу, в Италию уезжаю.

– Печально, когда хорошие актрисы становятся домохозяйками, пекут пиццу и жиреют, – презрительно скривился Гений. – Ну и катись в свою Европу!

– Спасибо. Чего и вам желаю! – огрызнулась я.

Вот кто кому напророчил – сейчас уже не разобрать. Театр «У водокачки» со своими спектаклями постоянно колесит по Европе. И на своей площадке принимает международные театральные фестивали. А я через год действительно уехала в Италию, но пиццу там не пекла и не разжирела.

Для оформления обложки использованы художественные изображения из личного архива автора.